
ФИЛОСОФИЯ

А. В. Вершков

СТРАТЕГИИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье предлагается формирование коэволюционной стратегии природопользования, основанной на народных традициях, на традициях домостроения, и дается обоснование данного подхода.

Ключевые слова: домостроение, коэволюция, стратегия, природопользование.

A. Vershkov

Strategies of Nature Usage

The suggests and substantiates a co-evolutionary strategy of nature usage based on folk traditions, traditions of household rationale management.

Keywords: household management, co-evolution, strategy, nature usage.

В настоящее время сложилось два подхода к преобразовательной деятельности человечества. Об одном из них пишет в своей работе «Деятельностный подход: смерть или возрождение» академик В. А. Лекторский: «Если мы претендуем на точное знание каких-то процессов, то это значит, что можем если не фактически, то в принципе контролировать их протекание, можем вмешиваться в их ход и преобразовать их в наших интересах. А это ведет, с одной стороны, к пониманию природы в качестве простого ресурса человеческой деятельности, к идее безграничной ее переработки, покорения, а с другой стороны, к установке на проектирование социальных процессов, а возможно, и самого человека, к технократической иллюзии» [10, с. 61].

Но возможно и иное понимание деятельности, которое сегодня стало актуальным, — отмечает В. А. Лекторский: «Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно

участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба они изменяются». И далее: «Так понятая деятельность предполагает не идеал антропоцентризма в отношении человека и природы, а идеал коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников, в незапрограммированных диалогах» [10, с. 62].

Два подхода к преобразовательной деятельности предполагают и две стратегии природопользования: одна — соответствует стратегии покорения природы, другая — стратегии сотрудничества с природой. Очевидно, и мы показали это, что стратегия покорения природы привела к экологическому кризису и к деградации окружающей человека природной среды [3]. Сама необходимость выживания человечества требует альтернативной стратегии.

В. Н. Мангасарян считает, что одной из стратегий современного общества, позволяющей осмыслить взаимоотношения человечества с природой и способной задать видение решения существующих проблем, может стать коэволюционная парадигма [11].

О коэволюционной стратегии пишет коллектив авторов, возглавляемый Р. С. Карпинской [8]. Как отмечают сами авторы, они попытались осознать важнейшие характеристики коэволюционной стратегии в естественнонаучном и философском понимании природы. По их мнению, стратегия позволяет в том числе:

- осмыслить и понять факты антропогенного воздействия на природные экосистемы, прогнозировать их последствия, а также дать рекомендации о том, как избежать негативных последствий или свести их к минимуму;

- осознать глубинные истоки экологического кризиса и пути выхода из него;

- сформировать и утвердить новые ориентиры человеческой жизнедеятельности, выдвигая новые *экологические регуляторы* как природопользования, так и материального производства, нормы экологической обоснованности и динамического равновесия человека и природы, правовые регуляторы вторжения человека в природные экосистемы [8, с. 11–12].

Авторы монографии [8] осознают, что коэволюционная стратегия является... стратегией наиболее перспективной и наиболее мощной из всех ныне существующих [8, с. 12].

Мы называем коэволюционной стратегией природопользования, направленную на гармонизацию отношений общества и природы. Коэволюцию в данном случае мы понимаем в формулировке Н. Н. Моисеева как «такое поведение человечества, такую адаптацию его деятельности к естественным процессам, происходящим в биосфере, т. е. к развитию окружающей среды, которая сохраняет (или содействует сохранению) со-

стояния биосферы в окрестностях того аттрактора, который оказался способным произвести человека» [12]. Какой должна быть коэволюционная стратегия природопользования?

Н. Ф. Реймерс считает, что из двух крайних стратегий природопользования, называемых им «стратегией яблоневого плодожорки» (выела личинка яблоко, бабочка улетела в пространство искать другое яблоко для откладки яиц) и «стратегии эндопаразита» (исключительно адаптация общества к природе), ни одну нельзя признать методологически верной. Правильной является «стратегия термодинамического взаимодействия природы с одновременным изменением общественных институтов. «Необходимость последней стратегии вытекает из принципиальной уникальности земли в качестве места обитания человечества и опасности как коренного преобразования природы из-за возможного противоречия среды жизни генетическим возможностям вида Человек разумный, так и чисто адаптационной линии поведения из-за неизбежной эволюционной деградации человечества на этом пути», — отмечает Н. Ф. Реймерс [16, с. 121].

А. Д. Урсул, рассматривая различные стратегии экологической деятельности [18], выделяет известную со времен Ж.-Ж. Руссо стратегию «назад к природе». В крайнем варианте данная стратегия предполагает отказ от развития материального производства, что противоречит, по мнению А. Д. Урсула, сущности социальной формы движения материи, связанной с развертыванием преобразовательной деятельности человека. Отсюда следует, что экодеятельность, по Урсулу, не может быть сведена к чисто адаптивным процессам. Противоположной предложенной концепции, названной натуралистической, является так называемый «техницистский» подход. Данный подход абсолютизирует преобразовательные функции человека и исходит из предпосылки о

том, что «любое ограничение природы может и должно быть снято путем беспредельного техногенного преобразования окружающей среды». Однако реализация указанной стратегии невозможна вследствие невозможности коренного преобразования по экономическим причинам из-за ограниченности финансовых, энергетических и других ресурсов, которые могли быть направлены на преобразование, а также из-за невозможности предусмотреть и полностью исключить отрицательные экологические эффекты и отодвинуть в связи с этим преобразования на неопределенно долгое время.

Оптимальной А. Д. Урсул считает стратегию экодеятельности, которая заключена между чисто адаптационной и чисто преобразовательной деятельностью и включает оба этих аспекта. По мнению ученого, необходимо конструирование такой рациональной схемы, которая учитывала бы как жизненно важные требования социального развития, так и улучшение окружающей природной среды. В качестве экодеятельности, отвечающей требованиям коэволюционной стратегии природопользования, А. Д. Урсул проводит идею «ноосферного природопользования», которое, по его мнению, может развиваться в двух экофильных формах [18, с. 54]:

- в форме обособления и изоляции от биосферы, чтобы оказывать на нее минимальное воздействие, занимая при этом минимальную территорию. Для этого предполагается использовать территорию, где биоразнообразия мало или его нет. По мнению автора, по этому пути будет развиваться промышленное производство, «биотехнологии и иные формы хозяйственной деятельности, которые производят чуждые природе продукты (ксенобиотики) и могут существенно разрушать окружающую среду». В перспективе А. Д. Урсул предполагает вынос производства за пределы Земли в космос, что существенно снизит антропогенное воздействие на биосферу;

- в форме неособирательства. Под неособирательством, отмечает А. Д. Урсул, «можно понимать такое природопользование, когда используются не окультуренные растения и одомашненные животные, а именно дикие, но в пределах экологически и эволюционно обусловленных мер, не разрушающих естественные экосистемы и популяции. В широком смысле неособирательство представляет собой процесс все большего вовлечения природных ресурсов в социосферу (что предполагает ее преобразование в ноосферу) в их естественном виде таким образом, чтобы социально-экономические и природные процессы составляли единый замкнутый экологический цикл» [19, с. 56]. Подобное неособирательство могут представлять собой такие экологизированные промыслы и отрасли, как рыболовство, лесное хозяйство, пчеловодство, сбор сухопутной и морской фауны и т. п.

Авторы публикации «Стратегия совместного развития природы и общества» [17] предлагают «социозволюционную концепцию устойчивого развития...». В ее основе лежит парадигма, согласно которой прогресс — это рост устойчивости эволюционирующих систем по отношению к внешним воздействиям. Выход из экологического кризиса видится авторам в «...оптимизации природопользования, когда используемая биопродукция максимальна при сохранении оптимального числа элементов биосферы».

По мнению авторов, необходима одновременная реализация трех различных стратегий [17, с. 995]:

- стратегия взаимодействия хозяйствующего человека с природно-равновесными экосистемами естественной биоты, целью которой является сохранение видов, среды их обитания и биоразнообразия. Для этого необходимо, чтобы объемы потребления не выходили за рамки допустимого порога возмущения биосферы;

- стратегия взаимодействующего человека с искусственно равновесными антропогенными экосистемами, обеспечивающими

его пищевые потребности, например симбиотический путь развития;

- стратегия взаимодействия хозяйствующего человека (производства) с экосистемами искусственной среды. Ее претворение в жизнь потребует изучения особенностей взаимодействия техно- и биосферы с урбанизированными системами обитания человека с целью создания условий для постоянного роста эффективности использования земель.

Д. С. Павлов с соавторами предлагает новую концепцию природопользования, называемую имидеологоцентрической [13], поскольку она (концепция) выдвигает на первый план задачу оценки, сохранения и использования средообразующих функций живой природы. Основные положения концепции сводятся к следующему:

- ключевой природный ресурс — вся живая природа, обладающая средообразующими функциями, которые обеспечивают регуляцию условий среды и стабилизацию биосферного баланса;

- приоритетная задача управления природными биосистемами — это поддержание и восстановление их средообразующих функций;

- основа устойчивого и эффективного функционирования биосистем жизнеобеспечения на планете — биологическое разнообразие;

- система нормативных показателей состояния среды и воздействия человека на среду должна включать характеристики средообразующих функций природных биосистем;

- задача увеличения объема биопродукции должна решаться, прежде всего, за счет искусственных экологически безопасных биопродукционных систем; использование биопродукции природных экосистем (промысел рыбы и морепродуктов, добыча древесины) допустимы лишь при условии сохранения их структуры и средообразующих функций.

Представленные стратегии заслуживают самого пристального внимания, однако, на наш взгляд, кроме учета экономических факторов и экологических ограничений, разработка стратегии должна не просто учитывать, а основываться на национальных, культурных, религиозных и других традициях страны, для которой она разрабатывается. С. Н. Чернышев пишет, что каждый народ, живя на земле, выработал свою философию природопользования и без такой философии народ не может существовать. Отказ же от национальных традиций и чрезмерное заимствование опыта других наций ведет к разрушению природы [21, с. 272].

Мы считаем, что современная коэволюционная стратегия природопользования в нашей стране должна основываться на отечественной идее домостроения, на строительстве гнезда, домашнего очага, на встраиваемости человека в природные процессы и разумном их преобразовании. Стратегия должна быть основана на возрождении народных традиций русского народа, традиций домостроения, имеющих глубокие корни в нашей стране и незаслуженно забытых в настоящее время.

Стратегическая линия домостроительства — это отношение к природе как к собственному дому, в котором нельзя «паковать». Стратегия домостроения уходит корнями в глубокую древность, когда человек выбирал форму и способ жизни на земле. По мнению М. И. Гельвановского, «экономиком имеет две ипостаси. Первая ипостась как форма домостроительства, как форма обустройства дома, семьи, общины, страны, мира, бесспорно, имеет важное значение и в этом качестве способна гармонизировать человеческое бытие, способна создать определенный баланс между миром человека и миром живой и неживой природы» [9, с. 18]. Вторая ипостась экономики — экономика как форма и средство обогащения. В этой ипостаси экономика превращается в сферу агрессивного воздействия че-

ловека на природу и весь окружающий мир. О. Платонов отмечает, что до XVIII века в России не существовало понятие «экономика». Ее самобытный хозяйственный строй носил название «домостроительство». При этом в России «домостроительство» понималось как «наука вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах» [14, с. 10]. О. Платонов отмечает, что «хозяйство в русской науке домостроительства — это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию» [14, с. 10].

С. Н. Чернышев в работе «Русские народные традиции общения с природой и природопользования» [21] отмечает такие принципы отечественного природопользования, как:

- самоограничение потребностей;
- возможно более полное использование всего взятого у природы;
- укрепление земли посредством своего труда.

При этом самоограничение потребностей проявлялось в соблюдении постов, в обязанности брать у природы только необходимое (в рыбной ловле, на охоте). Полного использования всего, что дает природа, русский народ достигал путем реализации принципа безотходного производства, с одновременной экономией ресурсов и очисткой природной среды от отходов. У деревни, — пишет С. Н. Чернышёв, — не было помойки или свалки. Использовались только возобновляемые источники энергии: трава, дрова, вода, ветер, солнечная энергия [21, с. 277].

Ю. В. Бурдаков [1] обращает внимание на традиции дореволюционной России сохранения рыбных и лесных ресурсов. Так, например, в сельских общинах существовал закон, запрещающий лов рыбы во время не-

реста, а ловля сетями производилась стихийно, а лишь в определенное время и в ограниченных количествах. В лесу при отводе под вырубку определенного участка лесник требовал, чтобы оставшиеся после разделки деревьев сучья были собраны в одно место, а затем сожжены. Отмечается, что практиковалась и чистка леса [1, с. 363–364].

Многие основы науки домостроения выражены в трудах «Домострой» [5], в том числе в русском «Домострое», памятнике экономической мысли русского народа XVI века. Главные идеи «Домостроя» — это «замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), живущее по православным нравственным нормам» [14].

Линия «Домостроя» проходит через всю русскую научную мысль и находит свое продолжение в трудах известных русских ученых — экономистов и философов А. Т. Болотова, А. В. Чаянова, С. Н. Булгакова, Н. Я. Бердяева, О. А. Платонова и др.

Так, линия анализа семьи, начатая в «Домострое», была продолжена известным ученым-аграрником А. Т. Болотовым. А. Т. Болотова считают отцом экологического земледелия, который еще в XVIII веке разработал основные принципы «хозяйствования в согласии с природой». О. А. Платонов отмечает, что Болотов не считал погоню за прибылью главной целью развития хозяйства. Экономичность и рациональность, основанные на точном научном расчете, — вот краеугольный камень его учения. А. Т. Болотов выступал против некритического переноса на русскую землю иностранных видов и сортов растений, а также чужеземной практики возделывания полевых культур без учета местных условий. В работе [14, с. 136–137] отмечается, что, «продолжая развивать русские национальные традиции домостроительства, он (А. Т. Болотов) совмещал крайнюю бережливость с готовностью затрачивать значительные средства на

создание новых сортов и видов сельскохозяйственного производства, заботу о своих крестьянах со строгим отношением к ним, многопрофильность хозяйства со специализацией его по ряду передовых культур».

А. Т. Болотов на практике разрабатывал идею «беззаботного монастыря», суть которой — в независимости хозяйства (деревня, мир, артель, монастырь) от внешней среды, в стремлении обеспечить себя всем необходимым. «В этой хозяйственной независимости русский человек чувствовал себя беззаботным, но это — беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки», — пишет О. А. Платонов [14, с. 11].

А. В. Чаянов, отвечая на вопрос, где таются корни разработанной им семейно-трудовой теории, прямо указывал на русский «Домострой». Именно «Домострой», по его мнению, дал картину сельского «домостроительства» — практической деятельности большой семьи, двора. Именно в этом произведении семья рассматривалась как целостный хозяйственный организм во всем богатстве его экономических, демографических и социокультурных проявлений [20, с. 30].

В работе «Организация крестьянского хозяйства» А. В. Чаяновым была построена целостная модель организации крестьянского хозяйства, не имеющая аналогов в мировой экономической литературе. А. В. Чаянов доказывал, что наиболее эффективные формы ведения сельского хозяйства достигались в небольших семейно-трудовых хозяйствах, которые обобществляли не сферу производства, как в общине или артели, а сферу обращения, где экономические отношения регулировались торговой сбытовой и кредитной кооперацией. Во главу угла ученый ставит личный труд крестьянина и членов его семьи. Такое хозяйствование противопоставлялось А. В. Чаяновым капиталистическому предпринимательству, основанному на наемной рабочей силе.

В настоящее время растет интерес к творческому наследию А. В. Чаянова. Глав-

ным подтверждением жизненности его учения о крестьянском хозяйстве стала выживаемость семейных и личных форм ведения сельского хозяйства в нашей стране и во всем мире. Об этом свидетельствует послевоенный период развития экономики СССР. В работе [20, с. 49] приводятся следующие цифры. Занимая 1,2–1,3% угодий, имея крайне низкий уровень технической оснащенности и постоянно преодолевая мощные административные препоны, крестьянский двор давал 30–40% производимого в стране мяса, 60–65% картофеля, 30–45% молока и овощей, 30–60% яиц, 22–25% шерсти и многое другое (данные из статистического ежегодника за 1985 г.). Таким образом, вклад ЛПХ в производство главных продуктов питания в десятки раз превосходит обеспеченность средствами производства и землей.

Согласно статистическим данным в настоящее время в ЛПХ России 16 млн семей «располагают 6,5 млн га земель, или 3,3% сельскохозяйственных угодий. ЛПХ производит 91,6% картофеля, 80,3% овощей, 51,8% мяса, 51,8% молока, 25,2% яиц от общего объема этих видов сельскохозяйственной продукции» [6, с. 2]. Кроме того, в указанной работе обращается внимание на социальную роль ЛПХ, позволяющих в условиях спада общественного производства стать «весомым буфером, сдерживающим массовую безработицу на селе».

Природопользование, основанное на идеях Домостроя, успешно реализовалось в монастырской православной практике, обладающей рядом несомненных достоинств. Это экологическая хозяйственная деятельность, бережное отношение к ресурсам природы и единение с ней. Об этом мы писали в работе «Природопользование — опыт православия» [4].

История сохранила многие другие примеры успешной трудовой деятельности, основанной на идеях и принципах Домостроя. Достаточно вспомнить старообрядческое крестьянское царство на реке Выг, существ-

вовавшее до середины XIX века, описанное в работе О. Платонова «Русский труд» [15, с. 15]. Тысячи старообрядцев занимались хлебопашеством и скотоводством в 27 ски-тах на началах самоуправления. Эффективность использования земельных угодий у старообрядцев была одной из самых высоких в России, а доход на душу населения был во много раз больше, чем в среднем по России. Это было одно из самых цветущих мест Российской империи до его разрушения во времена Николая I, изгнавшего большую часть старообрядцев. О. Платонов отмечает, что переселение на эти места выходцев из Пензенской губернии (в основном деклассированных элементов) быстро превратило богатые и оживленные деревни в ничтожные и запустелые [15, с. 15].

Домостроение имеет и нравственное обоснование в православной этике и, в частности, в православной этике труда, характеризующей отношение русских людей к труду как к добродетели, как к нравственному деянию.

Примером природопользования, основанного на домостроительных принципах, на наш взгляд, является стратегия разумного (биологического) природопользования, предлагаемая В. В. Дежкиным и Л. В. Поповой [7]. В ее основе лежит возможность осуществления эксплуатации природных ресурсов без нанесения ущерба их нормальному воспроизводству и окружающей

природной среде. Основные принципы биологического природопользования следующие [7, с. 29]:

- возможность неистощительной (вечной) эксплуатации биологических природных ресурсов;
- ориентация на комплексную (интегрированную) эксплуатацию различных природных ресурсов, объединенных функционально и территориально;
- постоянный учет мощностей и направлений энергетических потоков в эксплуатируемых сообществах и соблюдение нормативных энергетических ограничений;
- недопустимость уничтожения в процессе эксплуатации цельных природных сообществ и видов живого;
- недопущение невосполнимого ущерба разнообразию и экологической устойчивости природных и природно-хозяйственных систем;
- сохранение и восстановление экологической мозаики ландшафтов;
- гуманное (в пределах разумного и возможного) отношение к биологическим (живым) ресурсам;
- постоянная оптимизация структуры, площадей и размещения охраняемых природных территорий с целью предотвращения экологического ущерба, наносимого эксплуатационной сферой, и поддержания экологического баланса территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдаков Ю. В. К возрождению традиций отечественного землепользования / Православие и экология. М.: Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. 1999. С. 362–366.
2. Васюков Ю.В., Саранин Е. К. Экологическое сельское хозяйство и его перспективы в России // Аграрная наука. 1995. № 1. С.18–20.
3. Вершков А.В. Экологический кризис как следствие реализации потребительской стратегии освоения действительности // Казанская наука. 2011. № 8. С. 129–131.
4. Вершков А. В. Природопользование — опыт православия // Известия РГПУ им А. И. Герцена. 2012. № 150. С. 34–40.
5. Вершков А. В. Домостроительство как форма отношения человека к природе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 106. С. 64–70.
6. Гатиятулин Ш. Н. Необходимость интеграции ЛПХ в сельскохозяйственный потребительский кооператив // Аграрная наука. 2013. №3. С. 2–4.

7. Дежкин В. В., Попова Л. В. Экологическая этика и биологическое природопользование: элементы теории и этико-экологические ограничения // Использование и охрана природных ресурсов России. 2006. № 1. С. 28–37.
8. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.
9. Круглый стол журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть ... человечеству» // Вопросы философии 2000. № 9. С. 3–28.
10. Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. Т. 32. С. 56–65.
11. Мангасарян В. Н. Основания коэволюции природы и общества: философско-методологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2011.
12. Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Экология и жизнь. 1998. № 2.
13. Павлов Д. С., Стриганова Б. Р., Букварева Е. Н. Экологоцентрическая концепция природопользования // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 2. С. 131–140.
14. Платонов О. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006. 800 с.
15. Платонов О. А. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
16. Реймерс Н. Ф. Системные основы природопользования // Философские проблемы глобальной экологии. М.: Наука, 1983. С. 121–161.
17. Трубецкой К. Н., Галченко Ю. П., Бурцев Л. И. Стратегия совместного развития природы и общества // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 11. С. 995–998.
18. Урсул А. Д. О понятии «экологическая деятельность» // Философские науки. 1986. № 1. С. 35–42.
19. Урсул А. Д., Урсул Т. А., Тупало В. Г., Энгель А. А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосфереогнез: Монография. М.: РАГС, 2008. 400 с.
20. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.
21. Чернышев С. Н. Русские народные традиции общения с природой и природопользования // Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. 1999. С. 272–279.

REFERENCES

1. Burdakov Ju. V. K vozrozhdeniju traditsij otechestvennogo zemlepol'zovanija / Pravoslavie i ekologija. M.: Moskovskij patriarhat. Otdel religioznogo obrazovanija i katehizatsii. 1999. S. 362–366.
2. Vasjukov Ju. V., Saranin E. K. Jekologicheskoe sel'skoe hozjajstvo i ego perspektivy v Rossii // Agrarnaja nauka. 1995. № 1. S. 18–20.
3. Vershkov A. V. Jekologicheskij krizis kak sledstvie realizatsii potrebitel'skoj strategii osvoenija dejstvitel'nosti // Kazanskaja nauka. 2011. № 8. S. 129–131.
4. Vershkov A. V. Prirodopol'zovanie — opyt pravoslavija // Izvestija RGPU im A. I. Gertsena. 2012. № 150. S. 34–40.
5. Vershkov A. V. Domostroitel'stvo kak forma otnoshenija cheloveka k prirode // Izvestija RGPU im. A. I. Gertsena. 2009. № 106. S. 64–70.
6. Gatijatulin Sh. N. Neobhodimost' integratsii LPH v sel'skohozjajstvennyj potrebitel'skij kooperativ // Agrarnaja nauka. 2013. № 3. S. 2–4.
7. Dezhkin V. V., Popova L. V. Jekologicheskaja etika i biologicheskoe prirodopol'zovanie: jelementy teorii i etiko-ekologicheskie ogranichenija // Ispol'zovanie i ohrana prirodnyh resursov Rossii. 2006. № 1. S. 28–37.
8. Karpinskaja. R. S., Liseev I. K., Ogurtsov A. P. Filosofija prirody: koevoljutsionnaja strategija. M.: Interpraks, 1995. 352 s.
9. Kruglyj stol zhurnala «Voprosy filosofii», posvjashchennyj obsuzhdeniju knigi N. N. Moiseeva «Byt' ili ne byt' ...chelovechestvu» // Voprosy filosofii. 2000. № 9. S. 3–28.
10. Lektorskiy V. A. Dejatel'nostnyj podhod: smert' ili vozrozhdenie? // Voprosy filosofii. 2001. T.32. S. 56–65.
11. Mangasarjan V. N. Osnovaniya koevoljutsii prirody i obshchestva: filosofsko-metodologicheskij analiz: Avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. SPb., 2011.
12. Moiseev N. N. Eshche raz o probleme koevoljutsii // Ekologija i zhizn'. 1998. № 2.

13. Pavlov D. S., Striganova B. R., Bukhareva E. N. Ekologotsentricheskaja kontsepcija prirodnopol'zovanija // Vestnik RAN. 2010. T. 80. № 2. S. 131–140.
14. Platonov O. Russkaja ekonomika bez globalizma. M.: Algoritm, 2006. 800 s.
15. Platonov O. A. Russkij trud. M.: Sovremennik, 1991. 335 s.
16. Rejmers N. F. Sistemnye osnovy prirodnopol'zovanija // Filosofskie problemy global'noj ekologii. M.: Nauka, 1983. S. 121–161.
17. Trubetskoj K. N., Galchenko Ju. P., Burcev L. I. Strategija sovместного razvitija prirody i obščestva // Vestnik RAN. 1998. T. 68. № 11. S. 995–998.
18. Ursul A. D. O ponjatii «ekologičeskaja dejatel'nost'» // Filosofskie nauki. 1986. № 1. S. 35–42.
19. Ursul A. D., Ursul T.A., Tupalo V. G., Engel' A. A. Ustojčivoe razvitie, bezopasnost', noosfeogenez: Monografija. M.: RAGS, 2008. 400 s.
20. Čajanov A. V. Krest'janskoe hozjajstvo. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 1989. 492 s.
21. Černyšev S. N. Russkie narodnye traditsii obščhenija s prirodoj i prirodnopol'zovanija // Pravoslavie i ekologija. M.: Moskovskij patriarhat. Otdel religioznogo obrazovanija i katehizacii. 1999. S. 272–279.

Зьонг Куок Куан

ПОНЯТИЕ «ВЕРНОСТЬ» ВО ВЬЕТНАМСКОМ КОНФУЦИАНСТВЕ

Конфуцианство, также как буддизм и даосизм, распространяясь во Вьетнаме, вьетнамизировалось, подстраиваясь под местные особенности и тем самым становясь составной частью вьетнамской культуры. Распространение конфуцианства во Вьетнаме — это не только процесс ассимиляции, но и постоянного развития самой этой религиозно-идеологической доктрины. Вместе с тем вьетнамское конфуцианство в немалой степени отличается от китайского. Прежде всего, это касается трактовки такого понятия, как «верность». Конфуцианская «верность» во вьетнамской культуре тесно связана с идеей патриотизма, причем народ и страна, а не правитель, стоят на первом месте.

Ключевые слова: конфуцианство, феодализм, мораль, верность, патриотизм.

Duong Quoc Quan

Faithfulness In Vietnamese Confucianism

Confucianism, the same as Buddhism and Taoism, being spread in Vietnam, vietnamized, adapted to the local peculiarity and became an integral part of Vietnamese culture. Dissemination of Confucianism in Vietnam is not only the process of assimilation, but also constant development of its religious and ideological doctrine. At the same time Vietnamese Confucianism differs from Chinese to a big extent, first of all in terms of understanding such a concept as “Faithfulness”. Confucian “Faithfulness” in Vietnamese culture deeply tied with the idea of patriotism, in which people and nation (but not the governor by itself) take the first place.

Keywords: Confucianism, feudalism, morals, faithfulness, patriotism.

В конфуцианском понимании, особенно это касается конфуцианства эпохи Хань и Сун, «верность» (вьет. «Trung» — Чунг, кит.: 忠) означает «верность государю», то есть преданность королю, почитание коро-

ля, самозабвение ради короля. Король — превыше всего. Даже если он невежественный, распутный правитель и жестокий тиран, все равно, необходимо придерживаться строгого постулата: «король повелел —